

Цинь Цзуйкуан промолчал. Он лишь снова подобрал три камня и, разложив их на ладони, проговорил мягко:

— Посмотри, старший брат. Если выложить их в ряд, разве не напоминает это картину?

Он указал на каждый по очереди:

— Тот, что сверху — небосвод. В середине — облака. А нижний — горный лес. Ты ведь сам просил, чтобы я сообщал, куда ухажу, но при этом не тревожил тебя лишними разговорами? Я долго ломал голову, не зная, как быть, но едва увидел эти камни, решение пришло само собой.

В лучах закатного солнца лицо Цинь Цзуйкуана озарилось багрянцем. В этот миг его заурядные черты, смягчённые тёплым светом, казались почти благородными.

— Если мне нужно будет уйти в Обитель Небесной Печи за остатками снадобий, я положу у входа в твою пещеру серо-зелёный «лес». Если соберусь чистить вольеры для журавлей — оставлю белоснежное «облако». А этот... — Цинь Цзуйкуан запнулся, указывая на последний камень. — Если я отправлюсь куда-то далеко и не смогу вернуться скоро, то оставлю нежно-голубое «небо». Впрочем, вряд ли это случится. Такая вероятность слишком мала.

Линь Яньюй, как ни злился, невольно засмотрелся на эти подношения.

На первый взгляд — обычные прямоугольные голыши величиной с ладонь, но природа наделила их чистыми цветами. Небесно-голубой, жемчужно-белый, дымчато-зелёный... Сложенные вместе, они и впрямь образовывали пейзаж «Небо, облака и горы».

В душе Линь Яньюя в этот момент пронеслось нечто среднее между немым воплем и отборной руганью. Будь он в своём мире, просто купил бы краски и раскрасил пару булыжников — эффект тот же. Стоило ли из-за трёх обычных камней доводить себя до такого плачевного состояния? О чём вообще думает этот парень?

Линь Яньюй уже открыл рот, чтобы отчитать его, но, мельком взглянув на обожжённые руки, почувствовал, как в груди неприятно кольнуло. Гнев испарился, оставив лишь горьковатый осадок.

— Ладно, — буркнул он, подавляя вздох. — Убери свои камни. Заканчивай работу и возвращайся.

— Есть! — радостно отозвался Цинь Цзуйкуан.

Он бережно спрятал камни за пазуху и потянулся к чану с отходами, который держал Линь Яньюй.

— Старший брат, я сам всё сделаю. Иди отдохни.

Линь Яньюй попытался было возразить, но юноша проявил неожиданное упрямство. В итоге старшему пришлось отступить и наблюдать со стороны, как тот, словно охваченный лихорадочным воодушевлением, в мгновение ока закончил все дела.

Когда они вернулись к пещере, окончательно стемнело. В небе воцарилась полная луна, и по всей секте Сяньюй затеплились лунные камни. Казалось, по земле разлилась призрачная река, рассыпав мириады сияющих искр.

Фан Дабинь в саду как раз нарезал целебные травы — корм для журавлей на завтра. Заметив их, он тут же отложил нож:

— Старший брат Линь, Сяо Цинь! Наконец-то вы вернулись!

Линь Яньюй подозвал его взмахом руки:

— Ты вовремя. Подойди, помоги Сяо Циню обработать раны.

Фан Дабинь удивился, но подошёл.

— Что случилось, Сяо Цинь? Неужели в Обители Небесной Печи кто-то посмел тебя обидеть? — Он усадил юношу и принялся разматывать грязные тряпки с его ладоней. Увидев то, что скрывалось под ними, Фан Дабинь в ужасе отшатнулся. — Ох, пресвятые... Что это?!

— Что ты раскричался? — Линь Яньюй отвесил ему лёгкий подзатыльник. — Живо носи мазь.

Фан Дабинь побледнел.

— Это... это выглядит так тошнотворно... Меня сейчас... кха...

Цинь Цзуйкуан поспешно отвёл руки, виновато опуская голову:

— Я сам справлюсь, Старший брат Фан. Не стоит утруждать себя.

Он уже собрался подняться, чтобы уйти.

Линь Яньюй вздохнул, отодвинул Фан Дабиня в сторону и сам сел напротив юноши.

— Вернись. Я сам всё сделаю.

Цинь Цзуйкуан подчинился мгновенно. Он сел, и в его глазах, ставших неестественно яркими, отразилась нескрываемая радость.

Фан Дабинь, прочистив горло, с кислым видом пробормотал:

— Старший брат Линь, тогда я... пожалуй, доделаю корм для птиц. — И был таков.

Линь Яньюй извлёк из пространственного кольца несколько флаконов с притирками. Взяв руки Цинь Цзуйкуана в свои, он внимательно осмотрел повреждения и нахмурился:

— Кожа обуглилась и лопнула. Чтобы зажило быстрее, придётся сначала срезать омертвевшую плоть...

Цинь Цзуйкуан лишь коротко кивнул:

— Действуй, Старший брат.

«Это будет очень больно», — подумал Линь Яньюй, но вслух не произнёс. Представив, как острое ножа касается открытой раны, он сам невольно вздрогнул.

— Я начинаю? — неуверенно переспросил он.

Юноша снова кивнул, не сводя с него пристального, глубокого взгляда.

Тонкое, словно крыло цикады, лезвие блеснуло в призрачном свете лунных камней. Линь Яньюй старался сохранять спокойствие, но руки иногда подводили: пару раз он нажал слишком сильно, и из ран тут же засочилась свежая кровь.

Всё это время Цинь Цзуйкуан не издал ни звука. Лишь бисеринки пота выступили у него на лбу, а лицо стало мертвенно-бледным. Несколько раз он не сдержался и глухо, почти неслышно простонал.

«Ну и выдержка», — поразился Линь Яньюй. Окажись он сам на месте этого парня, наверняка уже катался бы по полу, оглашая окрестности воплями.

Закончив обработку, Линь Яньюй осторожно наложил повязки.

— Послушай, — заговорил он после недолгих колебаний, — если жизнь во внутренней секте тебе не в радость... Когда мы разберёмся с Чэн Хуном и Чэн Жуюем, а старейшины искоренят это непотребство, ты сможешь вернуться во внешнюю секту. Я не стану удерживать тебя силой.

Цинь Цзуйкуан густо покраснел. Он застенчиво, но твёрдо улыбнулся:

— Мне совсем не грустно. Быть рядом с тобой — это величайшая радость для меня. Мне очень повезло, что ты взял меня в ученики-фармацевты.

— Ты... — сердце Линь Яньюя пропустило удар.

Он замер, потрясённо глядя на юношу, но тот избегал встречного взгляда. Его взор был прикован к рукам старшего брата.

Ногти были аккуратно подстрижены, кончики пальцев — округлые и гладкие, словно выточенные из нефрита. Сквозь белоснежную кожу проступали тонкие косточки, покрытые едва заметным, почти прозрачным пушком.

— У тебя очень красивые руки, Старший брат, — прошептал Цинь Цзуйкуан. Заметив на них пятна крови, он печально вздохнул: — Жаль, что я их запачкал...

Он на мгновение замер, словно в нерешительности, не зная, что предпринять.

Затем, снова вспыхнув румянцем, тихо предложил:

— Позволь мне... очистить их?

Линь Яньюй хотел было отстраниться, но юноша оказался быстрее — он осторожно, но крепко перехватил его ладони.

Прежде чем Линь Яньюй успел что-то возразить, он ощутил влажное, горячее прикосновение. Словно маленький котёнок, Цинь Цзуйкуан принялся дюйм за дюймом слизывать капли чужой крови, бережно убирая с кожи всё, чему на ней быть не полагалось.

<http://bllate.org/book/17424/1657113>